

ДАРЬЯ АНУФРИЕВА

ИВАЯ
ТЕЛЕ.

РТВЫЙ,
ИТ ВСЁ.

ОНИ
ОТ ПРАВДУ
РУТ.

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ, В КОТОРОМ
ДАЖЕ МЁРТВЫЕ НЕ СДАЮТСЯ.

18+

Дарья Ануфриева

Союзники поневоле

<https://litres.ru/74100381>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Кристина Ветрова была в шаге от ареста наркобарона Крота, когда дождливой ночью на трассе столкнулась с «Мерседесом» мажора Максима Шацкого. Она погибла.

Но её душа не покинула этот мир. Она вселилась в тело Максима. Теперь она — он. А он — призрак, который следует за ней по пятам, проклинает её и требует вернуть его жизнь.

Одно условие: пока Кристина не закончит своё последнее дело, она не сможет покинуть чужую шкуру, а Максим не вернётся в своё тело.

Теперь они — команда поневоле. Она — живая в его теле. Он — мёртвый, но видит всё, что она упускает. Вдвоём они должны найти улики против Крота, прежде чем тот уничтожит все доказательства.

Мистический детектив, в котором даже мёртвые не сдаются.

Содержание

Глава 1	4
Точка пересечения.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дарья Ануфриева

Союзники поневоле

Глава 1

Точка пересечения.

Серые многоэтажки тянулись к небу, как обглоданные рёбра гигантского скелета. Между ними — пустые площадки, недостроенные торговые центры с чёрными глазницами окон, рекламные щиты, на которых счастливые люди ели бургеры и улыбались так, будто их жизни не стоят дешевле, чем этот самый бургер. Асфальт был покрыт трещинами — город медленно распадался на части, но никто не замечал, потому что все привыкли.

В полицейском участке на улице Железнодорожной горел свет даже в три часа ночи. И сейчас, в восьмом часу вечера, он горел особенно ярко — как будто здание само пыталось перекричать наступающую темноту.

Кристина Ветрова сидела за столом, заваленным папками. Кофе в кружке остыл уже часа два, и на его поверхности образовалась маслянистая плёнка. Она смотрела на фотографии, разложенные веером.

Семь лиц. Семеро мёртвых.

Они были разными: мужчины и женщины, молодые и пожилые, богатые и бедные. Но всех их объединяло одно — в крови нашли «Тишину». Новый синтетический наркотик, который появился на улицах полгода назад и уже унёс семнадцать жизней. Семнадцать — официально. Тех, кого нашли, опознали, похоронили. Сколько ещё лежало в подвалах, в заброшенных домах, в реке — никто не знал.

Кристина перевернула фотографию девочки. Ей было шестнадцать. На снимке она улыбалась, держа в руках щенка. На следующем снимке она лежала на кафельном полу дешёвой квартиры, с пеной у рта и остекленевшими глазами.

Кристина сжала челюсть. Это была не просто работа. Это была война. И она знала, кто враг. Борис Крот.

Фармацевтическая империя, сеть клиник, десятки патентов на «инновационные препараты». За всем этим стоял он — человек с лицом доброго дедушки и глазами акулы. Кристина видела его один раз, на закрытом приёме. Он улыбался, жал руки политикам, делал пожертвования в детские дома. А в это время его лаборатории штамповали смерть в таблетках.

Она почти взяла его. Завтра утром она должна была подписать ордер на обыск его главного склада. Были показания свидетеля — девушки, которая работала в его офисе уборщицей. Она видела, как грузовики привозили ящики с маркировкой «Инсулин», а увозили пустые. Она запомнила но-

мера машин и согласилась дать показания.

Завтра. Ещё один день.

Кристина посмотрела на часы. 20:47. Она не спала двое суток. Голова гудела, в висках пульсировало, и каждый звук — гул вентиляции, шаги коридоре, щелчок чужой зажигалки — отдавался в затылке тупой болью. Она должна ехать домой.

Девушка взяла телефон. Ни одного сообщения. Коллеги давно разошлись. Даже дежурный внизу, дядя Саша, уже дремал за стойкой, склонив голову на руки. Кристина никому не была нужна — и её это устраивало. Так было проще. Никто не отвлекал. Никто не спрашивал, как дела. Никто не заставлял улыбаться.

Она сложила фотографии в папку, сунула её в рюкзак. Надела старую куртку, которую носила уже пять лет. В зеркале в прихожей мелькнуло её отражение — бледное, с синяками под глазами, с волосами, собранными в вечно убегающий пучок. Она почти не узнавала себя. Но это было неважно. Важно было только дело.

Кристина вышла из участка, и ветер ударил в лицо. Город затих. Даже шум машин казался приглушённым, будто кто-то накрыл улицы огромным стеклянным колпаком. Небо было тёмно-свинцовым, без единой звезды. Воздух пах озоном и мокрым асфальтом — за несколько часов до дождя этот запах всегда становился особенно острым, почти липким.

Девушка села в свою старенькую «Ладу». Машина чихну-

ла, закашляла, но завелась. Она вырулила на пустую улицу.

Первые капли упали на лобовое стекло, когда Ветрова уже выезжала на мост. Дождь начинался не как положено — не с мелкой мороси, которая постепенно набирает силу. Нет. Он обрушился сразу. Тяжёлый, холодный, злой, будто кто-то перевернул небо. Капли били по стеклу с такой яростью, что дворники не успевали. Вода заливала асфальт, размывала разметку, превращала фары встречных машин в размытые жёлтые пятна.

Кристина сбавила скорость. Девушка плохо видела дорогу, но всё равно не хотела останавливаться. Дома её ждала пустая квартира, холодный чай и бессонница.

Она проезжала мимо старого завода, чьи трубы давно не дымили. Его силуэт возникал из дождя как призрак — чёрный, угловатый, с выбитыми окнами. Где-то там, в темноте, бродяги разводили костры. Где-то там умирали от «Тишины».

Девушка крепче сжала руль. Она думала о нём — о человеке в дорогом костюме, который спит сейчас в своём особняке, укрывшись одеялом из денег. Думала о том, как завтра войдёт к нему в кабинет, протянет ему ордер и увидит его лицо в тот момент, когда он поймёт — конец.

* * *

«Амстердам» — главный ночной клуб города, место, куда съезжалась золотая молодёжь, чтобы забыть о существовании реальности. Трёхэтажное здание из стекла и бетона,

подсвеченное неоновыми огнями. Огромная вывеска с голландским тюльпаном пульсировала в такт музыке, которая доносилась даже снаружи — низкие басы сотрясали асфальт, смешиваясь с шумом дождя.

Внутри было жарко, влажно и шумно. Танцпол кипел телами. Люди двигались в ритм электронной музыки, которая была прямо в грудь. Пахло потом, алкоголем и дорогими духами. Над головами висел густой дым от машин, которые распыляли пар, создавая иллюзию тумана.

В VIP-ложе на втором этаже сидел Максим Шацкий. Он откинулся на диван, запрокинув голову. В одной руке у него был бокал с виски, в другой — телефон, на экране которого горело сообщение от какой-то девушки. Максим уже не помнил, как её зовут. И ему было всё равно.

— Макс! — крикнул кто-то из его компании. — Ещё по одной?

Шацкий махнул рукой, не глядя. Бармен, будто поняв этот жест, тут же поставил перед ним новый бокал. С золотой каймой, с кубиком льда, который поблёскивал в свете софитов.

— Ты чего такой кислый? — рядом опустился его друг, Антон. — Сегодня же пятница, чувак! У тебя всё есть! Деньги, тачки, девушки. Что тебе ещё нужно?

Парень посмотрел на друга. Антон выглядел так же, как всегда — дорогой костюм, идеальная укладка, улыбка, которая никогда не касалась глаз. Максим знал его с детства. И он знал, что Антон завидует ему. Все завидуют. Сын олигарха,

наследник империи, человек, которому не нужно ни о чём думать.

Если бы они знали, что каждую ночь Максим просыпается в холодном поту, потому что ему снится мать. Её лицо, её руки, её голос, который он забывает с каждым годом всё больше. Если бы они знали, что он ненавидит свою жизнь — эти клубы, эти деньги, этих людей, которые улыбаются ему только потому, что отец платит.

— Ты думаешь, что мне нужно что-то ещё? — переспросил Максим. — Нет. Мне ничего не нужно.

Он допил виски одним глотком. Горло обожгло, но это было приятно. Боль отрезвляла.

Шацкий поднялся с дивана, покачиваясь.

— Эй, ты куда? — крикнул Антон.

— Домой.

— Макс, ты пьяный! Оставь машину, я вызову такси.

Максим не обернулся. Он знал — если останется здесь ещё на час, либо сорвётся на ком-то, либо просто уснёт здесь, на диване, под этот бесконечный, сводящий с ума ритм. Он хотел побыть один.

Парень спустился по лестнице, проходя мимо танцующих, которые даже не заметили его. Для них он был просто ещё одним богатым мальчиком. Их не волновало, что у него внутри пустота. Он вышел наружу, и дождь ударил его по лицу.

Максим поднял голову, подставляя кожу под холодные

струи. Вода смешивалась с виски, который он выпил, и казалось, что он пьянеет ещё сильнее. Он усмехнулся. Город в дождь был некрасивым. Бетонные коробки, мокрый асфальт, грязные лужи, в которых отражались неоновые вывески. Грязный мир. Грязная жизнь.

Он сел в свой «Мерседес». Чёрный, с серыми дисками, с тонировкой, которая стоила больше, чем годовая зарплата любого его сверстника. Завёл двигатель — тот заурчал, как сытый хищник.

Парень включил музыку. Громко. Настолько, что стекла начали вибрировать. Он не хотел слышать ничего — ни дождя, ни своих мыслей. Хотел просто ехать. Быстро. Туда, где темно.

Он выехал с парковки, вписываясь в поворот так резко, что покрышки взвизгнули. Дворники разгоняли воду по стеклу, но Максиму было всё равно на видимость. Он знал эту дорогу. Он знал этот город и ненавидел его.

Дождь усиливался. Неон расплывался в оранжево-синие пятна. Мост впереди сверкал огнями, но они казались Максиму размытыми, как сон.

* * *

Кристина ехала по мосту, когда дождь стал совсем непроглядным. Она почти ничего не видела — только белую пелену перед глазами и тусклые огни встречных машин, которые приближались и тут же исчезали.

Её телефон пиликнул. Девушка взглянула на экран — со-

общение от анонимного номера.

«Не подписывай завтра ордер. Это будет твоя последняя ошибка».

Кристина нахмурилась. Сердце пропустило удар. Она сжала руль, и в этот момент из-за поворота вылетели фары. Ослепительный свет заполнил всё пространство.

Она не успела закричать. Только увидела белый силуэт, который мчался на неё со скоростью, которую невозможно было остановить.

Удар. Металл застонал, стекло разлетелось на тысячи осколков, которые засверкали в свете фар как снег. Кристину бросило вперёд — на руль, на приборную панель, в темноту, которая разорвалась надвое. Она почувствовала боль — острую, пронзительную, а потом ничего.

* * *

Максим услышал звук, который невозможно забыть. Хруст металла, визг шин, треск стекла. Его «Мерседес» занесло. Он пытался вывернуть руль, но было поздно.

Удар. Другой. И тишина.

Парень очнулся от того, что подушка безопасности распухла у него перед лицом, прижимая к сиденью. Во рту был привкус крови. Голова гудела. Он смотрел на разбитое лобовое стекло, на капли дождя, которые залетали в салон, и не понимал, где находится.

Максим вылез из машины, шатаясь. Ноги подкашивались. Дождь хлестал по лицу, по рукам, по разорванной рубашке.

Он оглянулся — в свете фар увидел вторую машину. Красную. Искореженную. Она лежала на боку, и из неё не доносилось ни звука.

Шацкий подошёл ближе. Он не знал, зачем, но ноги несли его сами.

Внутри — за разбитым стеклом, в луже крови и дождя — лежала женщина. Молодая. С каштановыми волосами, которые намокли и прилипли к лицу. Её глаза были открыты. Они смотрели на небо, в дождь, в никуда.

Максим опустился на колени. Он не мог дышать. Смотрел на неё и ждал, что она моргнёт. Но она не моргала.

— Нет, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Нет пожалуйста

Парень не знал, почему это говорит. Он не знал её. Никогда не видел её раньше. Но что-то внутри него оборвалось. Что-то хрупкое, что он даже не знал, что носил в себе.

Максим упал на асфальт и потерял сознание.

Дождь продолжал идти. Он смывал кровь с асфальта, смывал следы, смывал всё, кроме темноты, которая сгущалась вокруг. Темноты, в которой Кристина Ветрова больше не была жива.

* * *

Сознание возвращалось медленно, как вода, которая просачивается сквозь трещину в стене.

Сначала был звук. Равномерный, монотонный писк — где-то рядом, на одной ноте, без конца и края. Потом — за-

пах. Резкий, химический, смесь антисептика, перекиси водорода и ещё чего-то сладковатого, отчего тошнило. Потом — свет. Яркий, белый, пробивающийся сквозь веки даже тогда, когда они были закрыты.

Кристина попыталась открыть глаза. Веки были тяжёлыми, как свинцовые пластины. Она с усилием разлепила их и увидела белый потолок. Бетонная плита с трещиной, которая шла от угла к центру, как молния. В центре — лампа дневного света, которая гудела и моргала каждые несколько секунд.

Больница. Ветрова поняла это по запаху и по звуку — где-то в коридоре кто-то кашлял, кто-то плакал, кто-то ходил в тяжёлых ботинках по кафелю.

Она попыталась пошевелиться, и тут же пожалела об этом. Всё тело ломило. Руки, ноги, грудная клетка — казалось, её переехал грузовик. Или поезд. Или, может быть, всё вместе. Кристина застонала, и звук, который вырвался из её горла, был чужим. Низким, хриплым, мужским.

Она замерла. Повернула голову — медленно, чтобы не спровоцировать новую волну боли, — и увидела свою руку. Она лежала поверх тонкого больничного одеяла. Рука была... не её. Крупная, с длинными пальцами, на безымянном пальце красовался массивный перстень с чёрным камнем.

Кристина смотрела на эту руку и не узнавала её.

— Это не моя рука, — сказала она вслух.

Голос, который вырвался из её горла, был мужским. Глу-

боким, с хрипотцой, как будто она только что проснулась после долгого сна. Или как будто она вообще никогда не была женщиной.

Ветрова села на кровати. Голова закружилась, и её чуть не вывернуло. Она поднесла вторую руку к лицу — и снова увидела мужскую ладонь, с тонкими царапинами на костяшках, с аккуратным маникюром. Тонкие пальцы, холёные, но чужие.

Провела рукой по лицу. Кожа была гладкой — без привычных морщинок у глаз, без тонких шрамов от детских ссадин. Она нащупала подбородок — жёсткая щетина колола пальцы. Дотронулась до волос — короткие, мягкие, пахнущие дорогим шампунем.

Кристина перевела взгляд на тумбочку рядом с кроватью. Там лежало зеркальце — маленькое, круглое, наверняка забытое кем-то из медсестёр. Она взяла его дрожащей рукой. Её настоящая рука, та, что должна была быть, больше не тряслась бы. Эта — тряслась.

Поднесла зеркальце к лицу. В отражении на неё смотрел молодой парень. Около двадцати пяти, не больше. Тёмные волосы, растрёпанные, с лёгкой небрежностью, которую можно было принять за стиль. Высокие скулы, тонкие губы, глаза серо-голубые, обрамлённые тёмными ресницами. Глаза были красивыми — но они не были её глазами.

Ветрова смотрела в это лицо и не узнавала его. Она знала, что где-то есть её собственное отражение — каштановые

волосы, серая кожа, тени под глазами. Но это лицо было чужим. Совсем чужим.

Кристина прошептала в пустоту:

— Это не я.

Голос, который вышел, снова был мужским. И в нём слышался ужас.

Она отбросила зеркальце, и оно со звоном ударилось об пол. Кристина вцепилась в одеяло, сжимая его так сильно, что побелели костяшки. Она пыталась дышать, но воздух застревал в горле. Грудная клетка ходила ходуном, но это была не её грудная клетка. Это было чужое тело. Чужое дыхание. Чужая боль.

Она не знала, сколько прошло времени. Минута? Пять? Десять? Где-то в коридоре прозвучал звонок, потом голоса, потом шаги. Но Кристина ничего не слышала. Она была в вакууме, в стеклянном шаре, где не существовало никого, кроме неё и этого чужого лица.

И тогда она услышала его.

— Это моё лицо. Моё тело. И ты в нём.

Голос был тихим. Сдавленным. И он шёл из угла.

Кристина медленно подняла голову. В углу палаты, на стареньком пластиковом стуле, сидел парень. Прозрачный, как дым, как отражение на мокром стекле. На вид — тот же возраст, что и у неё сейчас. Тёмные волосы, только ещё более растрёпанные. Та же форма лица, те же скулы, те же глаза. Но не такие серо-голубые — скорее, серо-белые, как у чело-

века, который исчезает. На нём была рубашка, разорванная на груди, с пятнами крови, которая не была настоящей — просто память о травме. И на его лице застыло выражение гнева, боли и страха.

Он смотрел на неё.

Ветрова хотела закричать. Но голос застрял где-то в чужом горле. Она только открыла рот, но ни звука не вырвалось.

— Думаешь, я не пытался? — сказал парень, поднимаясь со стула. Он был таким же прозрачным, когда двигался — но от этого становилось только хуже. — Я пытался вернуться. Ты не представляешь, как это, когда ты смотришь на своё тело, а оно не слушается тебя. Когда ты кричишь, а никто не слышит. Когда ты тянешь руку, чтобы коснуться себя, и проходишь сквозь, как сквозь туман.

Парень шагнул к ней. Один шаг — и он оказался рядом с кроватью. Кристина почувствовала холод. Он исходил от него — ледяной, липкий, как сквозняк из могилы.

— Ты взяла моё тело, — сказал он. — Ты взяла его, а меня выкинула вон.

Кристина наконец смогла выдохнуть. Слова пришли не сразу — она заставила их идти, заставила чужой рот шевелиться.

— Кто кто ты? Что ты?

Парень усмехнулся — горько, безрадостно.

— Я — Максим Шацкий. Я — тот, кого ты убила на той

трассе.

Кристина моргнула. Трасса. Дождь. Удар.

— Я не убивала, — сказала она. — Я ехала домой. Ты ты вылетел на встречу.

— Я был пьян, — ответил он, и в его голосе мелькнула тень стыда. — Я это знаю. Я слышал, как врачи говорили. Но это не меняет факта. Ты в моём теле. Я — призрак.

Парень указал на кровать, на её тело — на его тело.

— И я хочу его вернуть.

Ветрова смотрела на него. Он был зол. Был напуган. Но она — она была следователем. Она привыкла к нелогичным вещам, привыкла искать объяснения даже там, где их не было.

Кристина сжала челюсть и сказала — холодно, даже в этом чужом теле, с этим чужим голосом:

— Ты думаешь, я хотела этого? Думаешь, я хочу быть тобой? Я — Кристина Ветрова. Я — следователь. У меня было дело. Важное дело. И я не могу я не могу быть здесь. Не могу быть в теле мажора, который разбил мою машину и мою жизнь!

Максим шагнул ближе. Она почувствовала, как температура в палате упала ещё на несколько градусов.

— Я не мажор, — сказал он тихо, но с такой злостью, что Кристина невольно замерла. — Я — человек. Ты заняла моё тело, мою жизнь, моё будущее. И если ты хочешь жить в нём, ты будешь делать так, как я скажу.

— Или что? — Ветрова вскинула голову. — Ты убьёшь меня? Тебя нет. Ты — призрак. Ты не можешь даже взять меня за руку.

Она протянула руку в его сторону. И её пальцы прошли сквозь его ладонь — как сквозь холодный воздух, как сквозь струю дождя. Максим отшатнулся, и на его лице мелькнула боль — такая настоящая, что Кристине стало почти стыдно.

— Я не могу тебя убить, — сказал он. — Но я могу быть здесь. Навсегда. Я могу стоять за твоим плечом, говорить с тобой, пока ты не сойдёшь с ума. Я могу смотреть на тебя, пока ты спишь. Я могу быть тем голосом, который будет шептать тебе в уши, пока ты не начнёшь кричать по ночам.

Кристина сглотнула. В чужом горле было сухо.

— Что тебе нужно?

— Чтобы ты ушла. — Парень посмотрел ей прямо в глаза.
— Чтобы ты вернула мне моё тело.

— Я не знаю, как.

Они смотрели друг на друга. Живая в мёртвом теле и мёртвый — призрак. Между ними — тишина, нарушаемая только писком аппаратуры и звуком дождя за окном.

Дождь. Он всё ещё шёл.

Максим отвернулся, прошёл к окну, посмотрел на стекло, по которому текли струи воды.

— Врачи сказали, что я, — проговорил он, не обращившись. — Что я очнулся, но не понимаю, что произошло. У меня сотрясение, перелом двух рёбер, но в целом я жив. Они

хотят оставить меня на день в больнице, потом выписать.

Кристина медленно поднялась с кровати. Ноги дрожали. Она держалась за спинку, чтобы не упасть.

— Значит, у меня есть день, — сказала она. — У нас есть день, чтобы понять, что произошло.

Шацкий обернулся. В его глазах — всё ещё боль, но теперь к ней добавилось любопытство.

— Что ты имеешь в виду?

Ветрова подошла к нему — медленно, тяжело ступая босыми ногами по холодному кафелю.

— Я веду дело. Дело, из-за которого меня могли убить. И теперь я в твоём теле. — Она посмотрела на его лицо в отражении окна. На своё новое лицо. — Это не совпадение. Ты понимаешь? То, что мы столкнулись, что я умерла, что я теперь в тебе — это не случайность. Кто-то хотел, чтобы это случилось.

Максим нахмурился.

— Ты думаешь, это подстроили?

— Я не знаю. — Кристина прижала ладонь к стеклу. За ним — город, серый, мокрый, чужой. — Но я узнаю. Я — следователь. Я найду правду. А ты — ты будешь помогать мне.

Парень усмехнулся — уже не так горько, скорее устало.

— И что я получу взамен?

— Ты получишь свою жизнь обратно. — Она повернулась к нему. — Если я закончу дело, может быть, я смогу уйти.

И ты сможешь вернуться. Я не знаю, как это работает, но я знаю одно: пока я здесь, я не остановлюсь.

Призрак посмотрел на неё. На своё лицо, которое носила она. И впервые за всё время его взгляд смягчился.

— Ты правда думаешь, что сможешь уйти?

— Я не знаю, — честно ответила Кристина. — Но я должна попытаться.

Она протянула руку — ту, что была чужой, мужскую, в дорогих часах. В воздухе, рядом с его плечом.

— Я верну тебя, — сказала она. — Я тебе обещаю.

Максим смотрел на её ладонь. Он знал, что не может коснуться её. Но он всё равно протянул свою руку — прозрачную, почти невидимую.

Их пальцы встретились в воздухе. Он не почувствовал тепла — она не почувствовала холода. Просто мгновение, когда две души поняли, что друг у друга есть только они.

— Хорошо, — сказал Максим. — Я помогу тебе. Но если ты врёшь, если ты просто хочешь использовать меня

— Я не вру, — перебила Кристина.

Он кивнул.

За окном дождь усилился. Город утопал в воде, в темноте, в огнях, которые плясали на мокром асфальте.

Ветрова снова посмотрела на своё отражение в стекле. На лицо Максима, которое теперь было её лицом.

— Я верну тебя, — повторила она тихо. — Я верну тебя, Максим.

И в эту минуту она поняла, что не знает, как. Но она знала, что будет искать ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.